

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АЛЕКСАНДР ПАРНИС

*

ХЛЕБНИКОВ: ВСТРЕЧИ В СУДАКЕ В 1908 ГОДУ

Знакомство с Вяч. Ивановым. Начало диалога

Встречи начинающего поэта Виктора Хлебникова (еще не Велимира) в Судаке в июле-августе 1908 года с мэтром символизма Вяч. Ивановым во многом определили его дальнейшую судьбу — здесь он принял окончательное решение переехать в Петербург. Однако никаких непосредственных свидетельств об этих встречах не сохранилось, кроме одного зашифрованного упоминания в стихотворении «Крымское» (1908)¹, а также загадочного «судакского» рисунка Хлебникова в «черной» тетради, хранящейся в его фонде в РГАЛИ².

В конце апреля 1908 года Хлебников приехал в Судак из Казани (вместе с матерью, братом Александром и младшей сестрой Верой), чтобы поправить здоровье. Они поселились в домике на берегу моря, недалеко от Алчака. Между тем настоящая причина этой поездки в Крым, вне сомнения, была другая — Хлебников планировал в Судаке лично познакомиться с мэтром символизма Вяч. Ивановым, который также собирался летом приехать в Крым.

В автобиографической заметке (1914) Хлебников кратко написал об этом лете: «Переплыл залив Судака (3 версты)³ (ср. в стихотворении в прозе «Это было старое озеро...»). Это был один из его геракловых подвигов. О пребывании в Крыму вспоминала мать поэта Е. Н. Хлебникова: «В <190>8-м г. здоровье его не поправилось, он все порывался куда-нибудь уехать, и мы отправились втроем в Крым ранней весной. Поселились на берегу моря в Судаке. В<итя> ходил осматривать Генуэз<ские> развалины, отыскивал скорпионов и совершал дальние прогулки по окрестностям. <...> В Крыму он много плавал и так далеко уплывал в море, что со спасательной станции за ним посыпали лодку с матросами, его привозили силою, окоченевшего, мы его отогревали, убеждали, но при первой возможности он опять уплывал»⁴.

Парнис Александр Ефимович — литературовед. Родился в 1938 году. Окончил филологический факультет Ставропольского университета. Старший научный сотрудник ИМЛИ. Член Русского ПЕН-ЦЕНТРа. Автор многочисленных статей о русской поэзии. Живет в Москве.

Публикуемая статья является первой главой книги о Велимире Хлебникове, над которой работает Александр Парнис.

¹ Речь идет о закодированных инициалах в его стихотворении «Крымское». См.: Велимир Хлебников. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 1. М., 2000, стр. 129 — 131).

² РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 130.

³ Велимир Хлебников. Т. 6. Кн. 2, стр. 243.

⁴ Хлебникова Е. Н. «Из воспоминаний о сыне». — Хлебников и Калмыкия. Элиста, 2013, стр. 99 — 100. Здесь ошибка памяти: на самом деле вместе с Е. Н. в Судаке находились трое ее детей: кроме Виктора, еще двое младших — Александр и Вера. Генуэзская крепость упоминается в стихотворении «Крымское».

Однако мать поэта почему-то ничего не вспомнила о встречах сына с поэтом Вяч. Ивановым, кумиром Виктора, хотя он, несомненно, рассказывал дома о своих первых беседах с мэтром, и это было едва ли не главной целью его поездки в Судак. Трудно понять, чем вызвано такое «умолчание».

Александр, младший брат поэта, в письмах к отцу в Казань, написанных в Судаке в 1908 году, рассказал ему о той непростой ситуации, в которой оказалась семья Хлебниковых в Крыму, — Владимир Алексеевич не мог оказать им никакой материальной помощи, так как в это время вышел в отставку и искал новую службу. В неизданном письме от мая этого года Александр не без иронии сообщал отцу о «советах» Виктора, как следует жить в «новых» условиях: «Мой брат (старший) просит передать, что он считает, что при такой системе распределения средств, при которой протекло время, здоровье не будет восстановлен», а положение не будет изменено к лучшему. Все средства тратятся на квартиру и пищу, почему не остается средств на стирку, и мы ходим грязные, в черных смятых и городских рубах среди опрятного и очень следящего за чистотой костюмов курортного общества. ... Он просит передать, что попытки придать нашему житию — быть может, более культурный облик также приносят ему много мучений. Если Мамаша не видит почему-нибудь несколько дней книги из библиотеки, то она начинает осипать упреками, требованиями показать квитанцию залога, не стесняясь выражениями, называя жульничеством, мошенничеством, подозревая, должно быть, что залог взят нрзб. ... Мой брат просит передать, что я, Шура, выгляжу гораздо хуже, чем каким [я] приехал сюда. Причину этому он видит в мрачном настроении, оторванности от общества, от которого его отражает неопрятный облик, угрюмый болезненный вид. Его городской костюм: студенческая фуражка, смятая грязная рубашка, студенческие брюки?, белые носки, низкие татарские туфли, выглядит? неприятно на общей белизне нарядов. Этим исчерпывается то, что просил м передать мой старший брат⁵.

В следующем письме, которое следует отнести к июню, Александр продолжал описывать их жизнь в Судаке: «...я совершенно не представляю, что можно писать о нашем житие — мелочи писать долго и скучно, общее же впечатление передавать рискованно — придется пророчить, так как никаких положительных результатов от нашей жизни в Судаке еще нет. ... Витя очень занят комильфотностью и барышнями, но это... окончание письма не сохранилось»⁶.

К сожалению, ничего не пишет о визитах Хлебникова к Вяч. Иванову и одна из сестер Герцык — Евгения Казимировна в своих воспоминаниях, рассказывая о пребывании мэтра в их судакском доме: «Лето 1908-го года Вячеслав Иванов провел у нас в Судаке. Постепенно приезжали все члены его семьи — девочки, радостно вырвавшиеся из непривычной им, замурованной жизни Петербурга, сбросив башмаки, босиком бегали по винограднику, копались в огороде. Всегда хлопотливая Замятнина, преданный друг семьи. И Минцлова. Последним приехал он. Комната с балконом — мезонин нашего старого дома — там поместили мы его. Опять астрологом на башне, куда вела витая лесенка. Вяч. Иванов никогда не бывал в Крыму, все волновало его здесь отголоском Италии, томило печальным напоминанием: кипарисы под его балконом, доносимые ветерком южные запахи. Но идти по этой новой и не новой ему земле у него не было охоты. ... С трудом удавалось нам и девочкам зазвать его к морю или знайным утром в виноградник, а куда-нибудь дальше в горы — уж никак не пешком, а только на старенькой тряской нашей линейке»⁷.

⁵ РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Ед. хр. 883. Л. 27 — 28.

⁶ Хлебников А. В. Письма к родным. 1905 — 1916 гг. Публикация И. Ермаковой и Р. Дуганова. — «Волга», 1987, № 9, стр. 142.

⁷ Герцык Е. К. Воспоминания. Paris, 1973, p. 53 — 54.

Тогда же в Судаке на пляже Хлебников познакомился с молодым художником Борисом Григорьевым, студентом Высшего художественного училища при Академии художеств, и его женой Елизаветой. Они сблизились и подружились, а Григорьев вскоре стал первым портретистом поэта — он нарисовал пять его портретов и один вербальный — в своем романе «Юные лучи» (1912)⁸.

Художник и поэт были творчески близко связаны и, несомненно, оказали воздействие друг на друга. Они переписывались, недавно было обнаружено и опубликовано одно письмо Григорьева к Хлебникову (1911), подтверждающее, что они были не только дружны, но и в большинстве случаев оказались единомышленниками. Они одно время вместе собирались поехать в Черногорию (1909), но поездка не состоялась. Впоследствии Хлебников написал рассказ «Закаленное сердце (Из черногорской жизни)» (1913), хотя он так и не побывал в этой маленькой и мужественной стране⁹.

Сохранились воспоминания Григорьева о Хлебникове и о других футуристах, которые были написаны в 1930-х годах и которые мне удалось разыскать и опубликовать. В них он описал встречи с поэтом в 1908 году в Судаке и неудачный поход пешком в Коктебель к Максимилиану Волошину (хозяин Дома поэта находился в это время за границей), но это тема отдельного исследования¹⁰.

О первой встрече с Хлебниковым художник вспоминал: «К весне меня потянуло в Крым. Денег не было. <...> Горячий крымский песок. Несколько турецких баркасов, турецкая кофейня, турок Гамшери, ловивший огромных камбал. Появился вдруг Велимир (так! — А. П.) Хлебников. Он лежал на песке. На белом листе бумаги, его детским почерком уже начиналась поэма: „Турки, окурки“. Почти немой, этот человек меня сразу поразил»¹¹. Это были заготовки к его известному раннему стихотворению «Крымское».

О взаимоотношениях поэта и художника я подробнее расскажу в следующей главе, а сейчас хочу вернуться к встречам Хлебникова с мэтром символизма Вяч. Ивановым, которые сыграли в жизни поэта значительную роль.

Видимо, Хлебников был одним из тех немногих, кто посещал Вяч. Иванова в его судакском уединении, но свидетельств об этом не сохранилось.

О чем же беседовали Хлебников и Вяч. Иванов при первом знакомстве?¹² Сложно реконструировать сюжеты и темы их бесед, но, вне сомнения, были три темы, о которых учитель и ученик могли говорить во время этих встреч:

⁸ Терехина В. Н. Велимир Хлебников в художественном мире Бориса Григорьева. — Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 2. М., 1999, стр. 23 — 31. См. также: Терехина В. Ноев ковчег Бориса Григорьева. — В кн.: Терехина В. Вокруг Куоккалы. Helsinki. 2009, стр. 18 — 27.

⁹ Парнис А. Е. Южнославянская тема Велимира Хлебникова. Новые материалы к творческой биографии поэта. — В сб.: Зарубежные славяне и русская культура. Ленинград, 1978, стр. 223 — 251.

¹⁰ См. воспоминания Б. Д. Григорьева о Хлебникове и футуристах из книги «Моя жизнь» в: «Анткварный мир», 2014, № 7, стр. 65 — 85.

¹¹ Там же, стр. 72.

¹² К теме взаимоотношений Хлебникова и Вяч. Иванова автор этих строк неоднократно обращался. См., например: Парнис А. Е. Вяч. Иванов и Хлебников. К проблеме диалога и ницшенского подтекста «Зверинца». — De visu. 1992, № 0 (нулевой), стр. 39 — 45. О влиянии творчества Вяч. Иванова на поэтику молодого Хлебникова писала также Н. Н. Перцова: Перцова Н. Н. О цикле ранних стихов В. Хлебникова. — Арабист. Хлебниковед. Человек: М. С. Киктев (1943 — 2005). М., 2007, стр. 126 — 160. См. также главу в ее книге «Словотворчество Велимира Хлебникова». 2-е изд. М., 2012, стр. 32 — 40. См. также факсимильное издание рабочей тетради Хлебникова, в которой приведены заготовки к стихотворению «Крымское». Ранние словотворческие тетради Хлебникова. Подготовила Н. Н. Перцова. М., 2015, стр. X, 256 (факсимиле). См. также: Перцова Н. Н. Крым в творческой биографии Хлебникова. — Велимир Хлебников и мировая художественная культура. Материалы XII Международных Хлебниковских чтений, посвященных 130-летию со дня рождения Велимира Хлебникова. Астрахань, 2015, стр. 35 — 37.

первая тема — об идее «всеславянского языка», вторая — о словотворчестве и, наконец, третья — о его стихах, посланных молодым поэтом еще из Казани в письме от 31 марта 1908 года к Вяч. Иванову. В этом письме Хлебников послал мэтру четырнадцать «славянских» стихотворений, в которых он пытался реализовать эти темы на практике: «Читая эти стихи, я помнил о „всеславянском языке”, побеги которого должны прорости толщи современного русского. Вот почему именно ваше мнение о этих стихах мне дорого и важно и именно к вам я решаюсь обратиться»¹³.

Ответное письмо Вяч. Иванова к молодому поэту не сохранилось, но можно предположить, что отзыв так или иначе был положительным. Кроме того, Вяч. Иванов мог также упомянуть в этом письме, что он летом планирует отдохнуть в Судаке. Несомненно, это сообщение, надо полагать, и сподвигло молодого поэта на «авантюру», и он уговорил мать поехать на лечение в Судак.

В упомянутом выше сопроводительном письме Хлебникова к мэтру, которое сохранилось в его архиве, молодой поэт затрагивал тему, о которой писал Вяч. Иванов в статье «О веселом ремесле и умном веселии», опубликованной год назад в «Золотом руне». Слова Хлебникова из письма восходят к пассажу из статьи Вяч. Иванова: «Через толщу современной речи язык поэзии — наш язык — должен прорости и уже прорастает из подпочвенных корней народного слова, чтобы загудеть голосистым лесом всеславянского слова»¹⁴.

Об этой идее Хлебников писал также в своей первой программной статье «Курган Святогора» (1908), развивая основные положения статьи Вяч. Иванова: «...славянские языки, и о сплющенном во одно, единый, общий круг, кругевихре — общеславянском слове...»¹⁵ Не исключено, что поэты касались этой темы во время первых встреч в Судаке.

И хотя нет никаких прямых свидетельств об их беседах в Судаке, но атмосферу и тональность начавшегося внутреннего литературного диалога можно представить и реконструировать по текстам, которыми обменялись учитель и ученик в 1908 — 1909-м годах и в последующее время.

Диалог между поэтами начался не со стихотворения Вяч. Иванова «Подстерегателю», посвященном Хлебникову (1909), как считают некоторые исследователи (А. Б. Шишкин, Е. Р. Арензон), а со стихотворения студента Хлебникова «Крымское», в котором есть строки, обращенные к мэтру, и которые было написано годом раньше.

Сохранилось три редакции стихотворения «Крымское»: первоначальная, которую он начал писать еще в тетради в Судаке, промежуточная, которую он закончил в Петербурге или в Киеве, куда он уехал на рождественские каникулы, и окончательная, которую он перебелил, когда готовил ее для публикации во втором «Садке судей» (1913). Приведу промежуточную редакцию стихотворения «Крымское», которую он отправил или передал Вяч. Иванову в Петербурге в конце мая 1909 года.

Турки	
Вырея блестящего и щеголя всегда — окурки	
Валяются на берегу.	
Берегу	
Своих рыбок	
В ладонях	
Сослоненных.	
Своих улыбок	
Не могут сдержать белокурые	
Турки.	

¹³ Хлебников В. Неизданные произведения. Редакция и комментарии Н. Харджиева и Т. Грица. М., 1940, стр. 354.

¹⁴ «Золотое руно», 1907, № 5, стр. 53.

¹⁵ Велимир Хлебников. Т. 6. Кн. 1, стр. 26.

Иногда балагурят.
 Я тоже роняю окурок...
 Море в этом заливе совсем засыпает.
 Засыпают
 Рыбаки в море невод.
 Небо
 Слева... в женщинае
 Вы найдете тень синей?
 Рыбаки не умеют:
 Наклоняясь, сети сеют¹⁶.

Этот текст не сразу поддается правильному прочтению. Само название стихотворения Хлебникова «Крымское» — субстантивированное прилагательное, возникшее, вероятно, из усеченного квазитопонима «Крымское море» или словосочетания «Крымское лето» или «Крымское послание» (ср. аналогичное заглавие стихотворения, написанного в то же время — «Скифское»). Текст построен на игре слов — на омонимах, оксюморонах и диалектизмах и с использованием слов из украинского, детского и «птичьего» языков и сопровожден небольшим автокомментарием. В этом тексте автор описывает сценки на берегу Судакского залива, в которых участвуют турки («белокурые!»), рыбаки, рабочий, барышни, мамаша, мальчионка и боги с переключением в другие времена. Главная тема «Крымского» — любовь, возникающая также в последней строфе стихотворения Вяч. Иванова «Подстерегателю», а в finale хлебниковского текста появляется неожиданный пункт с мотивом учителя: «И, кроме того, ставит ли вам учитель двойки?» <...> «И любите ли вы высунуть язык?» Это — романтическая игра во флирт и риторические вопросы, на которые не требуются ответов.

Не сразу удается расшифровать инициалы во второй части текста, и понять, кому они адресованы. Строки из этого стихотворения:

Я черчу В. и Д.
 Чьи? Не мои.
 Мои: В. и И.,

но они как бы исключают любовь к женщине и адресованы мужчине. Эти строки, вероятно, восходят к пушкинскому четверостишию:

За Netty сердцем я летаю
 В Твери, в Москве —
 И R. и O. позабываю
 Для N. и W.¹⁷

Инициалы В. Д., по-видимому, принадлежат казанской знакомой поэта Варваре Ивановне Дамперовой (1887 — 1942), которая была сестрой его соученика по университету Д. И. Дампера и в которую он был влюблен. К ней, вероятно, обращено стихотворение Хлебникова «Ирония встреч». Она оставила небольшие воспоминания о поэте: «В университете работал довольно усердно, но уже в то время увлекался литературой: ходил с номерами журнала „Весы“; очень любил Сологуба и любил цитировать его стихи. Сам писал он уже в это время, но скрывал это — от той же застенчивости»¹⁸.

Сложнее обстоит вопрос, связанный с инициалами В. И. У биографов Хлебникова существуют две версии, кто скрывается под этими инициалами.

¹⁶ Велимир Хлебников. Т. 1, стр. 129 — 131.

¹⁷ Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. М., 1974, стр. 458.

¹⁸ Степанов Н. В. В. Хлебников: Биографический очерк. — В кн.: Хлебников В. Избранные стихотворения. М., 1936, стр. 13.

Одни считают, что здесь идет речь о Вяч. Иванове, а другие — о его падчерице Верне Константиновне Шварсалон-Ивановой (1889 — 1920), которая стала впоследствии третьей женой мэтра. Между тем со всей определенностью можно сейчас сказать, что под этими инициалами несомненно имеется в виду только Вяч. Иванов, а весь контекст обращен к членам его семьи. Мэтр прочел эти инициалы именно как обращение к себе и как приглашение к диалогу. Хлебников, вероятно, послал ему свое стихотворение из Киева весной 1909 года, где он провел несколько месяцев, или вручил его мэтру сразу после возвращения в Петербург при первых встречах — в конце мая или в начале июня этого года. Вяч. Иванов, конечно же, принял приглашение и «ответил» молодому поэту стихотворением «Подстерегателю», которое он написал через несколько дней (3 июня 1909). В нем он, как выясняется, варьирует темы, образы и мотивы из стихотворения Хлебникова «Крымское». С него начинается диалог между перед поэтами, и это необходимо подчеркнуть.

Приведу полностью текст стихотворения Вяч. Иванова «Подстерегателю», которое «обратным» светом отражает их взаимоотношения, зародившиеся в Судаке:

Нет, скромный мой подстерегатель,
Лазутчик милый! я не бес,
Не искуситель, — испытатель,
Оселок, циркуль, лот, отвес.

Измерить верно, взвесить право
Хочу сердца — и в вязкий взор
Я погружаю взор, лукаво
Стеля, как невод, разговор.

И, совопросник, соглядайай,
Ловец, промысливший улов,
Чрез миг — я целиной богатой,
Оратай, провожу волов:

Дабы в душе чужой, как в нови,
Живую врезав борозду,
Из ясных звезд моей любови
Посеять семенем — звезду¹⁹.

Вяч. Иванов в своем «ответе» развивал образы и темы, предложенные молодым поэтом-«совопросником» в «Крымском». Например, образ неводасетей, а также мотив ловца из этого стихотворения возникают во второй и третьей строфах стихотворения «Подстерегателю». Сквозная тема «селятеля» из «Крымского» превращается в евангельскую притчу о сеятели в finale текста Вяч. Иванова. А тема *сердечной* привязанности, заявленная Хлебниковым в окончательной редакции (ср. подзаголовок в промежуточной редакции стихотворения — «Записи сердца»), трансформируется в тему завоевателя сердец в «ответном» стихотворении мэтра.

Как выясняется, Вяч. Иванов не только охотно принял предложение Хлебникова о диалоге, но и с характерной для него иронией предельно точно сформировал все параметры зарождающихся отношений с молодым поэтом, которые начались в Судаке (1908) и продолжались на «башне» в Петербурге (1909 — 1910), но это тема отдельного исследования...

Хлебников, получив от Вяч. Иванова посвященное ему стихотворение «Подстерегателю», продолжил диалог и через несколько дней написал «ответ-

¹⁹ Иванов Вяч. Сор Ardens. М., 1911. Кн. 1, стр. 156 — 157. См. также: Иванов Вяч. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2. Брюссель, 1974, стр. 340.

ное» стихотворение в прозе „Зверинец”, которое посвятил своему учителю и отправил в письме от 10 июня 1909 года²⁰. Он опубликовал «Зверинец» с посвящением Вяч. Иванову в боевом футуристическом сборнике «Садок судей» (апрель 1910 года). Примечательно, что Хлебников оставил это посвящение после разрыва с его кружком, а Вяч. Иванов напечатал стихотворение «Подстерегателю» в сборнике «Cor Ardens» (1912)²¹. Этот поэтический диалог первоначально имел следующий ряд:

Крымское — Подстерегателю — Зверинец.

Здесь также необходимо остановиться на схематическом рисунке, сделанном Хлебниковым в «черной» тетради, посвященной Судаку, так как у него есть своя «история». Этот рисунок упоминает А. Шишклин в статье «Велимир Хлебников на „башне“ Вяч. Иванова»²². В ней он указывает на источник — дневник Я. Черняка (1923), отрывки из которого были опубликованы в 1994 году²³.

Автор дневника подробно описал рисунок Хлебникова, который он увидел в руках художницы Н. О. Коган, близкой тогда к душеприказчику поэта П. В. Митуричу, — видимо, эта тетрадь временно находилась у нее в руках. В записи от 16 ноября 1923 года он отметил: «...пейзаж, едва можно разобрать, гора, человечек сидящий (?! — А. П.) и рядом с ним, но отдельно посох, несопропорционально большой. Внизу надпись „Вячеслав Иванов“. Городецкий сразу разобрал (я не мог), в чем дело»²⁴.

Как интерпретировал этот рисунок Сергей Городецкий, который встречал Хлебникова еще в 1909 году на «башне», нам неизвестно — Черняк не сообщил. Анализируя запись Черняка, Шишклин в своей статье допустил ряд неточностей, которые требуют комментариев. Он ошибочно утверждает, что «рисунок изображает (? — А. П.) Иванова» и что рисунок «в настоящее время утраченный»²⁵.

Однако это не так. Рисунок сохранился — его даже не нужно было искать — он находится в «черной» тетради в фонде Хлебникова в РГАЛИ²⁶. Некоторое время назад я его опубликовал²⁷. Прежде всего нужно отметить, что это не рисунок, а набросок к нему, но главное другое — в композиции нет самого Вяч. Иванова, там изображены атрибуты мэтра: одежда (брюки), лежащая на берегу, гора и трость, которая, как удалось выяснить, принадлежала другому «судакцу» — Д. Е. Жуковскому (см. сохранившуюся фотографию у стены Генуэзской крепости, на которой засняты почти все обитатели судакского дома того времени в нашей публикации в «Антикварном мире»). Эти артефакты уточняют время создания рисунка — июль-август 1908 года. Они сопровождены надписями, сделанными рукой автора: «Алчак», «Судак» и «Вяч. Иванов». Здесь возможны два варианта «прочтения» рисунка: первый, реалистический — мэтр действительно ушел плавать в море, поэтому он на рисунке отсутствует; второй — Хлебников здесь использовал метафорический прием, в композиции «присутствуют» вещи, намекающие на «главного героя», который сам отсутствует, а надпись «Вяч. Иванов» свидетельствует о том, что они принадлежат ему. Ю. М. Лотман называл такой поэтический прием

²⁰ Велимир Хлебников. Т. 6. Кн. 2, стр. 120 — 122. См. об этом подробнее в другой нашей работе — «Вяч. Иванов и Хлебников. О проблеме диалога и尼цшеевском подтексте „Зверинца“». — «De visu», 1992, № 0, стр. 39 — 45.

²¹ См.: Садок судей. И. СПб., 1910, стр. 96 — 102. Иванов Вяч. Cor Ardens. M., 1911. Кн. 1, стр. 156 — 157.

²² «Новое литературное обозрение», 1996, № 17, стр. 141 — 167.

²³ «Арион», 1994, № 1, стр. 55 — 82. Вступительное слово, публикация и комментарии М. И. Фейнберг.

²⁴ Там же, стр. 64.

²⁵ См. примечание № 22, стр. 157.

²⁶ См. примечание № 2.

²⁷ «Антикварный мир», стр. 75.

с отсутствием в текстах главного «героя» или главного элемента «минус-приемом». Через много лет, в 1921 году, Хлебников нарисовал профильный портрет своего учителя, когда тот приезжал из Баку в Персию (в Решт) с лекцией, где тогда находился глава футуристов-будетлян. Этот портрет Вяч. Иванова сохранился в бумагах поэта.

Между тем почти все тексты молодого поэта, написанные в Судаке, и несколько текстов, созданных в первые два года учебы в Петербургском университете до встречи Хлебникова с Д. Бурлюком — в феврале 1910 года, в определенной мере связаны с мэтром и испытали воздействие его поэтики. Перед исследователями стоит задача собрать воедино все свидетельства и документы, а также проанализировать тексты, написанные в это время, начиная с лета 1908 года, и нарисовать общую картину взаимоотношений учителя и ученика.

В повести с условным названием «Ka²» (1916) Хлебников нарисовал словесный портрет своего учителя, связывая его с античным мифом: «Забавно встретить лицо седого немецкого ученого, которого вы помните с золотистыми волосами, окружеными полувенком. Мои пылкие годы. Когда он не был убежлен, он мне напоминал Львиное Сердце, уверенными движениями он возьмет вашу руку и прочтет неясное пророчество и после взглянет внимательно и поправит два стеклышка. В те дни я тщетно искал Ариадну и Миноса, собираясь проиграть в XX столетии один рассказ греков. Это были последние дни моей юности, трепетавшей крылами, чтобы отлететь и вспорхнуть. Но их не было; наконец, пришло время, когда я почувствовал, что не смогу проиграть их. Это меня огорчило. Я понял, что дружба, знакомство есть ток между различным числом сил, уравнивающий их»²⁸.

Несомненно, под влиянием первых встреч и бесед с Вяч. Ивановым в Судаке в 1908 году, связанных с поиском изначального мифа, у Хлебникова возникла идея создания утопического общества, в котором разыгрывались бы античные мифы. В его рабочей тетради, относящейся к «судакскому» периоду, сохранилась примечательная запись: «Зеленое коло. Общество украшения Крыма мифом»²⁹. Здесь одно из заглавий ранних стихотворений Хлебникова «Зеленое коло» — отклик на стихотворение Вяч. Иванова «Вечеровое коло».

К мифу об Ариадне и Тезею Хлебников неоднократно возвращался. В стихотворении «Печальная новость. 8 апр^{еля} 1916» он писал о своем «даре» провидца:

С ним я распутаю нить человечества,
Не проигравшего глупо
Вещих эллинов грэз,
Хотя мы летаем³⁰.

В позднем программном стихотворении «Одинокий лицедей» (1921) он также реализует этот греческий миф:

Я, моток волшебницы разматывая,
Как сонный труп, влечился по пустыне...
<...>
И с ужасом
Я понял, что я никем не видим,
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!³¹

²⁸ Велимир Хлебников. Т. 5. М., стр. 156 — 157.

²⁹ Ранние словотворческие тетради Хлебникова. Подготовила Н. Н. Перцова. М., 2015, стр. X, 210. (факсимile).

³⁰ Временник И. М.; [Харьков]: Лирина, 1917 [1916], стр. [3].

³¹ Велимир Хлебников. Т. 2, стр. 255.

Нить Ариадны привела Хлебникова в Петербург, где он вскоре познакомился не только с кружком Вяч. Иванова, но и с участниками «Академии стиха», членом которой он стал, и с кругом поэтов и художников, связанных с журналом «Аполлон», а также с членами Пушкинского семинара профессора С. А. Венгерова при Петербургском университете. Своим отношениям с членами кружка Вяч. Иванова Хлебников посвятил несколько текстов, но они были напечатаны уже после смерти поэта.

Примечательно, что позднее — в футуристический период — Хлебников продолжал толковать миф о Минотавре и Тесее как о будущем футуризма или в его терминологии — будетлянства. Об этом он написал в одном из тезисов в лекции «Чугунные крылья» (Царицын, 25 мая 1916 год): «Будущее футуризма как миф Тезея и Минотавра»³².

Трудно со всей определенностью сказать, к какому периоду относится процитированная выше формула Хлебникова «мои пылкие годы» — то ли к первым встречам с Вяч. Ивановым в Судаке летом 1908 года (с 1 июля по середину сентября), то ли к петербургским встречам, когда он восстановил общение с мэтром и стал посещать его «башню» на Таврической, д. 25 и собрания «Академии стиха» в редакции журнала «Аполлон» (с мая 1909 по февраль 1910 года). В Петербурге он сделал свои первые «литературные шаги» и продолжал некоторое время заниматься в университете. Здесь он дебютировал в газете «Вечер» (16 октября 1908 года), напечатав в ней без подписи «воззвание к славянам», и одновременно в журнале для молодых «Весна» опубликовал стихотворение в прозе «Испытание грешника» (1908, № 9). Здесь он завел новые литературные знакомства (В. Каменский, П. Карпов, Н. Гумилев, М. Кузмин, С. Ауслендер, А. Н. Толстой, И. фон Гюнтер и др.).

В письме от 31 мая 1909 г. он сообщал отцу: «Я виделся с В. Ивановым. Он весьма сочувственно отнесся к моим начинаниям»³³.

20 сентября М. А. Кузмин записал в дневнике: «Приехал Хлебников ко мне, но Вяч^{еслав} взял его к себе, приплелся и я туда. Читал свои вещи гениально-сумасшедшие»³⁴. Через два месяца, 13 ноября, он снова писал отцу: «Я член „Академии стиха“, очень поглупел, два раза читал свои стихи на вечерах»³⁵. Эта самоирония поэта говорила о том, что он был доволен своими публичными выступлениями.

И хотя в процитированном выше мемуарном фрагменте из рассказа Хлебникова имеется словосочетание с точной временной привязкой — «последние дни моей юности», формулу «мои пылкие годы» следует все же понимать широко — она, надо думать, охватывает краткий «судакский» или «крымский» период, а также петербургский «башенный» период (апрель-май 1909 года) до времени, когда Хлебников познакомился с Давидом Бурлюком — февраль 1910 года.

В формуле «пылкие годы» имеется интертекстуальная отсылка, которая свидетельствует о том, что после разрыва с кружком Вяч. Иванова и с «Академией стиха» Хлебников при всем своем максимализме не отрекся от учителя и оставил посвящение ему на стихотворении в прозе «Зверинец», напечатанном в первом футуристическом сборнике «Садок судей» (апрель 1910 года). В этой формуле прямая отсылка к эпитету «Ardens» в названии сборника Вяч. Иванова «Cor Ardens», то есть «Пылающее сердце» (1911, 1912, 1 и 2 кн.), который в переводе с латинского языка означает «пылкий» или «пылающий», а также подтверждается тем фактом, что Вяч. Иванов включил в этот сборник стихотворение, посвященное Хлебникову, — «Подстегретелю».

К сожалению, никаких других сведений о встречах Хлебникова с Вяч. Ивановым в Судаке обнаружить не удалось. Молодой поэт создал в этот

³² Велимир Хлебников. Творения. М., 1986, стр. 102 (илл).

³³ Велимир Хлебников. Т. 6. Кн. 2, стр. 119.

³⁴ См. подробнее: Парнис А. Е. Хлебников в дневнике М. А. Кузмина — В сб.: Михаил Кузмин и русская культура. Л., 1990, стр. 162.

³⁵ Велимир Хлебников. Т. 6. Кн. 2, стр. 129.

краткий период небольшой цикл произведений, который можно назвать «судакским» циклом, — среди них и стихотворение «Крымское», написанное свободным стихом, а также небольшую пьесу «Таинство дальних», написанную под воздействием поэтики Вяч. Иванова, стихотворение «Скифское», поэму «Алчак» и еще несколько других текстов.

Несмотря на заявление младшего брата поэта Александра (см. выше во втором его письме к отцу), что «никаких положительных результатов от нашей жизни в Судаке еще нет», именно тогда, летом 1908 года, там зародились литературные отношения между мэтром символизма и начинающим поэтом, которые продолжались всю его короткую жизнь.

В начале сентября 1908 года Хлебников выехал из Судака через Москву в Петербург, а 18 сентября он был зачислен на третий курс естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Это было началом новой жизни.

